

Николаев Г.А. Русская конфиксация и ее немецкие эквиваленты // Deutsch- russischer Dialog in den Philologien (Немецко-русский диалог в филологии): Beiträge zur Slavistik. Bd.XLII / Л.В.Владимирова, Г.А.Николаев; Herausgegeben von Herbert Jelitte und Maria Horkavtschuk. - Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. - S. 61-71.

Русский и немецкий языки, будучи генетически и типологически близкими, имеют много общего в своих системах словообразования. Прежде всего сходны пути образования новых номинативных единиц в этих языках. Еще в начале прошлого века адъюнкт-профессор Казанского университета Н.М.Ибрагимов (1815), а затем и великий немецкий языковед Вильгельм фон Гумбольдт (1836) выявили, что в языках индоевропейского типа существует два пути образования номина-тивных единиц: это путь *"наращенния складов"* (Ибрагимов), *"внешних наращений"* (Гумбольдт) и путь изменений значения слова, *"расхождения многозначительности"* (Ибрагимов), *"внутренней модификации"* (Гумбольдт) [1]. Позднее, уже в наше время, эти выводы будут терминологически уточнены, и ученые будут говорить о двух способах словопроизводства – морфологическом (морфемном) и семантическом (безморфемном) [2].

В сфере морфемного словообразования в обоих языках выделяются два способа – аффиксация (деривация, по Гумбольдту) и словосложение. Отношения между этими двумя способами морфологического словопроизводства разные в данных языках: русскому языку более свойственна аффиксация, немецкому – словосложение. Аффиксация в этих языках представлена тремя разновидностями – префиксацией, суффиксацией и конфиксацией. Но и здесь мы должны отметить разный удельный вес этих трех разновидностей в аффиксации двух языков.

В нашем сообщении речь пойдет о конфиксации, являющейся одним из продуктивных способов современного русского словообразования [3]. В немецком морфемном словообразовании имеются конфиксальные способы. Однако они по отношению к конфиксации в русском языке находятся в своего рода зеркальных отношениях: если в русском языке конфиксация развита в словообразовании и ее почти нет в формообразовании (ср. редкие структуры типа *най-добр-ейший*, *пре-больш-ущий* и т.п. [4]), в немецком языке конфиксальным способом чаще образуются формы слов (например, *ge-lob-t*, *ge-seh-en usw.*), чем новые слова.

Решая задачи сопоставительного словообразования русского и немецкого языков, необходимо определить те эквиваленты, которые существуют в немецком языке на месте русской конфиксации. Обратимся к некоторым конфиксальным способам образования имен существительных и прилагательных в русском языке. Известно, что конфиксация не является исконным способом русского словообразования. Она могла формироваться, во-первых, на основе суффиксации предложно-падежных форм или вторичной суффиксации слов, соотносимых с предложно-падежными сочетаниями: *на плече – наплечник*, *на месте – наместник* или *наручь-наручник*, *налучь – налучник*; во-вторых, на базе префиксации: *без силы – бессилеть-обессилеть* [5]; в-третьих, как результат совмещения морфемного и неморфемного способов: *досмерти*, *допьяна*, *сдуру*, *сослепу* и т.д. Все три

случая приводят нас к пониманию механизма появления русского конфикса как результата своеобразного переразложения основы [6].

Формирование конфиксальных словообразовательных средств было одним из показательных явлений в истории русской словообразовательной системы. Закрепление конфикса как самостоятельного средства словопроизводства русского языка, по нашим наблюдениям, относится к началу XIУ века, хотя первые конфиксальные образования отмечаются памятниками уже с XI века (например, наперстник, созвездие, наплечник), однако они могли явиться и результатом взаимодействия собственно русского пути формирования подобных форм и калькирования с древнегреческого, которое рано слилось с первым способом и, возможно, даже стимулировало его [7]. Одним из наиболее продуктивных конфиксальных средств в русском языке следует признать конфиксы на ...ник и на ...ный.

Специфической особенностью существительных и прилагательных этой структуры является то, что значительная их часть мотивирована соматической лексикой, т.е. названиями частей тела человека и животного. Среди адъективных аффиксов, традиционно закрепившихся за этой лексической группой, можно назвать форманты -ный-, -атый-, без..ый и некоторые другие. Что же касается субстантивных словообразовательных средств, то это прежде всего конфиксы, среди которых одним из самых активных является конфикс на ..ник.

Образования со структурой на ...ник и на...ный явились основным лексическим и словообразовательным ядром всех имен, оформленных этими конфиксами. Указанные имена – своеобразный стержень, вокруг которого разворачивались основные процессы, определившие судьбу этих словообразовательных типов в истории русского языка. Именно эти образования создали основу для аналогии, т.е. служили моделью для образования форм с конфиксами на...ник и на...ный от любых основ, а не только от названий частей тела, определив тем самым продуктивность этих конфиксов в русском языке.

В свете сказанного показательно, что самыми ранними формами, которые нам удалось обнаружить в русском языке в пределах существительных со структурой на...ник с предметным значением, являются имена, производящей основой для которых послужила соматическая лексика, а именно: наплечник и наколенник, впервые отмеченные памятниками в древнерусский период (XI-XII вв.). Приведенные образования называют различные виды одежды, ее детали, а эта детализация очень характерна как вообще для древнерусского языка, так, в частности, и для конфиксальных имен, производных от соматической лексики.

Среди формантов, традиционно закрепившихся за лексико-тематической группой названий частей тела человека и животного, наиболее активными оказались конфиксы, при этом самыми продуктивными были аффиксы с препозитивными элементами **на-** и **под-**.

Почти все субстантивы, образованные от соматической лексики и оформленные конфиксом под...ник, характеризуются общим словообразовательным значением *"предмет, находящийся или предназначенный находиться ниже чего-либо, под чем-нибудь"* [8]. Почти все они (за редким исключением) вступают в антонимические отношения с соответствующими

существительными с конфиксом на...ник: подголовник – наголовник, подлокотник – налокотник и т.п., выступающих со значением *"предмет, находящийся или предназначенный находиться на поверхности чего-нибудь"* [9]. При этом наблюдается явление словообразовательной антонимии, т.е. антонимии словообразовательных типов, которая создается за счет антонимии аффиксов при единстве словообразующей основы. Антонимическая оппозиция указанных форм обусловлена противоположностью словообразовательных значений, которыми они характеризуются. Антонимы этого типа отражают симметричную противоположную ориентацию предметов в пространстве относительно определенной точки отсчета, названием которой служит существительное и основа которого используется в качестве производящей.

Однако, анализируя формы на под...ник и на...ник, мы порой сталкиваемся со случаями, когда эти образования характеризуются идентичным словообразовательным и лексическим значениями: подшейник – нашейник (в значении *'колокольчик, подвешиваемый на шею, бубенчик'*), подлокотник – налокотник (*'часть одежды'*), подбрюшник – набрюшник (*'накладка, повязка на живот'*), подхвостник – нахвостник (терм. *'часть упряжи'*).

Можно говорить о том, что чрезвычайная активность конфиксов с начальными **под-** и **на-** в истории русского языка, их стремление выйти за рамки традиционных для них производящих основ и словообразовательных значений постепенно приводит к невыразительности, расплывчатости значений указанных конфиксов, к десемантизации препозитивных элементов аффиксальных средств.

Определенную роль в указанной десемантизации сыграла семантика предложно-падежных форм, легших когда-то в основу производных образований. Это в первую очередь относится к формам с предлогом под, управлявшим не только творительным (под брюхом,), но и винительным (под брюхо) падежами, что акцентировало при осложнении соответствующей предложно-падежной формы аффиксом **-ник** не пространственное значение, а значение предназначенности. Это и сближало семантику данной структуры со структурой на...ник, восходящей к форме винительного падежа с предлогом **на**, передающей, помимо пространственного значения, также значение предназначенности.

Показательна в этом плане словообразовательная семантика конфиксальных типов на под...ник и на...ник,: она включает антонимичные пространственные семы и синонимичные семы предназначенности (см. выше).

Между тем это лишь частный случай. Большинство конфиксов современного русского языка демонстрируют иную картину: в русских образованиях с конфиксальной структурой основную семантическую нагрузку несет начальный элемент конфикса, финальный же элемент лишь оформляет частеречную (и/или родовую) принадлежность слова (ср.: наглазник – наглазный, заречье – заречный, наушники – наушный> и др.).

Говоря о немецких эквивалентах русской именной конфиксации, мы должны отметить их разнообразие, связанное с разными способами номинации, свойственными обоим языкам.

Во-первых, это может быть слово (чаще непроизводное), в содержание которого положен иной, чем в русском языке, признак: подбородок – das Kinn, подножие – Fu ; Piedestal, Postament (заимствования), подпилочек – die Feile, подсвинок – der Laufer и т.п.

Показательно, что в основном это эквиваленты русской конфиксальной структуры на под...ок, хотя они, естественно, не исчерпывают собой межъязыковые соответствия в этой группе конфиксальных образований.

Во-вторых, русскому конфиксальному слову может соответствовать описательная структура: подконтрольный – unter Kontrolle stehend, Подмосковье – die Moskauer Umgebung, подполье – der Raum unter dem Fußboden, подранок – ein angeschossenes Tier, подшефный – unter Patenschaft stehend, предгрозовой – dem Gewitter vorausgehend, междуречье – das Gebit zwischen zwei Flüssen и мн.др.

В-третьих, конфиксальному образованию в русском языке соответствует немецкий композит (сложное слово). Обычно это характерно для субстантивной конфиксации. Особенно интересны в этом плане немецкие соответствия русским структурам с конфиксом на...ник: набрюшник – Bauchbinde, налобник – Stirnband и др.

Первая часть этих сложных слов является эквивалентом производящей основы русского конфиксального образования: на-колен-ник – Knie-stuck, на-глаз-ник – Augen-binde и т.п. (исключение на-рукав-ник – Schutz-armel). Конфиксальной части русского производного слова с формантом на...ник в указанном выше значении соответствуют в немецком языке вторые части композитов – конкретизаторы первой основы: -binde – (повязка) Augenbinde [дословно – глазная повязка], -tuch – (платок) Brusttuch [нагрудник: дословно – нагрудный платок], schutz(er) (защита, защитный) – Knieschutzer [наколенник: дословно – защита колена], Ellenbogenschutzer [налокотник], -kappe, -klappe – Ohrenklappen [наушники], Mundungskappe [надульник], -stuck – Endstuck [наконечник] и т.п.

Как видим, то, что в немецком языке выражено эксплицитно вторым компонентом сложного слова, в русском языке заложено имплицитно в семный состав лексического значения деривата. При этом существуют различия в видении мира, в ментальности носителей русского и немецкого языков, отраженные в номинации соответствующих реалий.

В русском языке существует возможность мотивации слов типа нарукавник конфиксальными прилагательными (нарукавный). В немецком языке конфиксальные прилагательные этого и некоторых других типов имеют соответствия в виде адъективной части сложных слов, совпадающей формально с субстантивом, эквивалентным производящему слову русского конфиксального прилагательного (а собственно, и однокоренного конфиксального существительного): на-груд-ный – Brust-, на-колен-ный – Knie- и т.п.

Поэтому есть все основания полагать, что первая основная часть немецкого сложного слова, соответствующего русскому конфиксальному субстантиву, является фактически адъективной частью, в связи с чем слова типа Brusttuch эквивалентны не только русскому конфиксальному существительному нагрудник, но и словосочетанию нагрудный платок, что

подтверждает возможность мотивации субстантива адъективом как в русском, так и в немецком языках.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что в немецкой адъективной части (кроме относительного посессивного значения) нет даже намёка на пространственную сему, четко представленную в русской конфиксальной структуре. Ср.: подлокотник – Ellbogenstutze, налокотник – Ellbogenschutzer, при том, что, Ellbogengelenk – локтевой сустав и др.

В-четвертых, русскому конфиксальному образованию может соответствовать немецкое префиксальное. Это часто выражается в эквивалентах русским конфиксам с препозитивной частью под ..., между..., и реже над...: поддонник – Untersalz, подлесок – Unterholz, подшерсток – Unterwolle, подштанники – Unterhose, меж(между)царствие – Zwischenherrschaft, междупутье – Zwischenraum, междурядье – Zwischenfurche, надводный – ubewasser, нарукав-ник – uberarmel и др.

В-пятых, очень редко в качестве эквивалента русскому конфиксальному слову выступает немецкое суффиксальное: заграничный – auslandisch от Ausland, предумышленный – vorsatzlich от Vorsatz и др.

И, наконец, в-шестых, ряду русских конфиксальных образований соответствуют немецкие производные слова конфиксального типа: под-земный – unter-ird-isch, над-государств-енный – uber-staat-lich, над-партий-ный – uber-partei-lich, за-мор-ский – uber-see-isch и некоторые другие. Количество таких соответствий невелико.

Таким образом, конфиксальный способ образования слов (в основном прилагательных) в немецком языке, хотя и наличествует, но по своей распространенности он не идет ни в какое сравнение с широко развитой конфиксацией в русской словообразовательной системе. Это подтверждают и исследования немецких ученых. Так, I. Ohnheiser, рассматривая русско-немецкое сопоставительное словообразование, отмечает в немецких адъективах такие конфиксальные типы, как ab ... ig (ab-land -ig, ab-seit-ig), an...ig (an-moor-ig), vor...lich – vor-weihnacht-lich, nach...lich – nach-oster-lich [10].

Другой лейпцигский ученый W.Fleischer отмечает, что в словообразовательной системе субстантива имеет место только один случай комбинации приставки и суффикса, а именно Ge- -e (red-en – Ge-red-e, sing-en – Ge-sing-e usw.). В тех же случаях, когда отсутствует постфиксальная часть -e, речь должна идти о структурах Ge- -0 (Ge-sang-0, Ge-scho -0 usw.), несущих в основах аблаутные чередования [11].

Возможно, что большая распространенность конфиксальных структур в русской словообразовательной системе по сравнению с немецкой связана с более выраженной тенденцией русского языка к мотивированности производных образований, его стремлением к структурно-семантической прозрачности номинативных единиц, что и обеспечивается различными конфиксами, прежде всего пространственного значения.

Более того, может быть, конфиксацию как особый самостоятельный способ образования слов наряду, допустим, с категорией вида или группой глаголов движения, следует признать своего рода лингвистической уникальностью славянских языков, во всяком случае, назвать конфиксацию языковой универсалией можно лишь с большой натяжкой.

Такое положение вещей с конфиксальным способом словопроизводства в словообразовательных системах двух языков отразилось и в научной литературе по словообразованию. В русской словообразовательной науке давно сложилось понятие префиксально-суффиксального способа образования слов типа нарукавник и т.п., сторонники которого говорят об одновременном присоединении в процессе словопроизводства к производящей базе приставки и суффикса. Этот термин имеет хождение и в немецкой научной литературе, но только применительно к славянскому (resp. русскому) словообразованию

В то же время по сложившейся в немецкой науке традиции, начиная с *Deutsche Grammatik* Я.Гримма, это понятие к немецкому языку не применяется. Обычно указывается, что слова типа *Gefilde*, *Gehege*, *Gelande* и т.п. образуются суффиксальным путем (суффикс *jо [12]) во взаимодействии с префиксом **ge-**.

Сообразно с установившейся в немецкой литературе традицией М.Д.Степанова в монографии *"Словообразование современного немецкого языка"* (М., 1953), перечисляя способы морфемного словообразования, не указывает префиксально-суффиксального способа [13]. Возможно, это было связано и с общей неразработанностью теоретических проблем словообразования в то время. Но уже в другой своей книге *"Методы синхронного анализа лексики"* (1968) М.Д.Степанова выделяет две суффиксально-префиксальные модели в немецком словообразовании: суффиксально-префиксальную (*laufen – Gelaufe*, *Erde – beerdigen*) и суффиксально-префиксальную с измененным корнем (*Berg – Gebirge*, *blasen – Geblase*).

Обратим внимание, что о префиксально-суффиксальном способе словообразования в немецком языке говорят российские (советские) германисты (Степанова, Паморозская и др. [14]). Немецкие ученые предпочитают говорить о ком-бинировании суффикса и префикса при образовании некоторых типов слов (*Fleischer*) [15]. Особенно важным следует признать выделение В.Флейшером нулевой постфиксальной части в такого рода комбинациях (см. выше). Можно предположить, что в немецком языке так называемые комбинационные модели так редко встречаются при образовании слов, что ученые не уделяют им большого внимания, обращая основные усилия на изучение наиболее характерных для их языка способов словопроизводства – словосложение и аффиксоиды ("полуаф-фиксы", согласно немецкой терминологии).

Дальнейшее развитие теории словообразования приводит к тому, что многие специалисты подвергают сомнению возможность присоединения в процессе словопроизводства одновременно двух морфем – префикса и суффикса, считая, что в этих случаях имеет место единая прерывистая морфемная структура – конфикс. Интересно то, что в работах по общим проблемам морфемной структуры слова многие советские ученые, рассматривая разные типы морфем в языках индоевропейского типа, наряду с суффиксом и префиксом выделяли и конфикс, считая, что он свойствен не славянским, а именно немецкому языку в структурах типа *ge-mach-t* или *ge-seh-en* [16]. В известных нам работах немецких ученых мы, однако, не встретили этого термина. Зато некоторым российским (и в первую очередь

казанским) дериватологам пришлось выдержать серьезную борьбу за введение этого термина в обиход русистики [17].

Этот термин используют российские германисты наших дней при описании структуры немецкого слова. Так, Р.З.Мурясов видит в словах типа *Gedarme* и т.п. *"конфикс или прерывистый словообразовательный формант в сочетании с умлаутом"*, считая такое сочетание избыточным словообразовательным средством. При этом он отмечает, что умлаут возможен в основном при десубстантивных основах (*Gedarme*, *Gehause*). Однако *"конфикс Ge...e сдерживает экспансию умлаута"*, в чем легко убедиться, сравнив производные с конфиксом *Ge...e* и с *Ge-* без элемента *-e* (по В.Флейшеру, структуры на *Ge-* -0). *"Отсутствие -e, как правило, сопровождается умлаутированием корневого гласного производящей основы, ср.: Gespotte – Gespott, Gewasche – Gewasch...u др."* [18].

Фактически те же наблюдения мы видим и у В.Флейшера (на них ссылается и Р.З.Мурясов). Только если Р.З.Мурясов идет дальше немецкого ученого в квалификации соответствующих структур как конфиксальных, В.Флейшер более современен, когда выделяет нулевой постпозитивный элемент в словах типа *Gewasch*.

Итак, рассматривая русскую конфиксацию и ее немецкие эквиваленты на фоне русско-немецкого диалога в филологии, можно отметить, что в оценке этих словообразовательных форм ученые исходят из своих сложившихся научных традиций, часто предлагающих несовпадающие интерпретации одних и тех же объектов исследования. Однако можно с уверенностью сказать, что в последнее время наблюдается определенное сближение позиций российских и немецких дериватологов на основе развивающейся теории словообразования и совершенствования методики словообразовательного анализа.

Литература

1. Ибрагимов Н.М. О многозначности и общем изменении слов // Труды Казанского общества любителей отечественной словесности. – Казань, 1815. – Кн. I. – Humboldt W. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihre Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Berlin, 18
2. См.: Шанский Н.М. Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. – М., 1977. – № 3; Марков В.М. Несколько замечаний о способах русского словообразования // *Slavia orientalis*. – Warszawa, 1980. – R.XXIX. – № 1-2.
3. См.: Николаев Г.А., Юркина И.А. Основные тенденции развития словообразования современного русского языка (на материале словарей "Новые слова и значения") // *Literatury i jezyki Slowian Wschodnich: Stan obecny i tendencje rozwojowe. Materialy konferencji naukowej*. Opole, 24-26 wrzesnia 1996. – Opole, 1997. – Т. II. – S. 85-88. – Владимирова Л.В. Конфиксальные образования с финальным -ник в истории русского языка: АКД. – Казань, 1991.
4. См.: Виноградов В.В. О формах слова // Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 43-44.
5. См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975. – Вып. I.

6. См.: Марков В.М. Замечания о конфиксации в современном русском языке // *Jezyk rosyjski*. – Warszawa, 1968. – № 3.
7. См.: Николаев Г.А. Формы именного словообразования в языке XII века // *Древнерусский язык домонгольского периода*. – Л., 1991. – С. 159.
8. *Русская грамматика*. – М.: Русский язык, 1990. – С.75.
9. Ibid.
10. См.: I. Ohnheiser. *Wortbildung im Sprachvergleich: Russisch – Deutsch*.- Leipzig, 1987. – S. 55
11. Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. – Leipzig, 1969. – S. 170-171.
12. Paul H. *Deutsche Grammatik: Wortbildungslehre*. – Halle, 1959. – Bd. 5. – S. 55.
13. См.: Степанова М.Д. *Словообразование современного немецкого языка*. – М., 1953. – С. 95-96.
14. См.: Степанова М.Д. Указ.соч.; Паморозская Н.И. *Актуальные проблемы словообразо-- вания в немецком языке*. – Калинин, 1983.
15. Fleischer W. Ibid.
16. См.: Баранникова Л.П. *Введение в языкознание*.
17. См.: Марков В.М. *Замечания о конфиксации...*; Николаев Г.А. *Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы*. – Казань, 1987; Nikolaev G.A. *Studien zur historischen Wortbildung der russischen Sprache // Beitrage zur Slavistik*. – Bd. XXI. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1994.
18. Мурясов Р.З. *Словообразовательная система современного немецкого языка*. – Уфа, 1980. – С. 26-27.